

Содержание

Пролог.....	5
Глава 1. НОЧЬ НА ИВАНА-ТРАВНИКА	9
Глава 2. ОГНЕННАЯ КЛЯТВА.....	45
Глава 3. ГОСТИ ЗВАННЫЕ ДА ЖЕЛАННЫЕ.....	69
Глава 4. ЛИХИЕ ЛЮДИ	111
Глава 5. ЕЩЁ ОДИН ЛЕШАК.....	151
Глава 6. В ЛОГОВЕ У КОЛДУНА.....	186
Глава 7. НОВЫЕ СОЮЗНИКИ	219
Глава 8. ВЕДЬМИНА БОЛЬ	238
Глава 9. ДВА ПЛЕННИКА	265
Глава 10. БИТВА	306
Глава 11. НОВАЯ ЖИЗНЬ.....	333
Глава 12. ПИР НА ВЕСЬ МИР	359
Глава 13. ВОЗВРАЩЕНИЕ ЛЕШАКА.....	382

ПРОЛОГ

Стоянко сам не понял, как заблудился. Вроде бы только что бежал по тропе между двумя кривыми кустами ольшаника, спасаясь от преследователей. Про это место ещё народ в деревне баял, мол, вход в лесное царство, заходить надо с поклонами да краюхой хлеба.

А он нынче и без краюхи, и без поклонов. Думал лишь, как ноги благополучно унести от задиры Фрола и его товарищей. Вот и промчался, земли под собой не чуя. Пот так и лился струёй по хребту.

«Сироту да бедняка каждый норовит обидеть, — приговаривал частенько старик Анисий, подсовывая ему то пряничек, то ломоть пирога с мясом. — Ничего, Стоян, ты телом пока слаб, зато духом крепок, а сердцем, наоборот, мягок. Это хорошее дело, даже в лихую годину тебя достойным человеком сохранит».

Сейчас же Стоянко лишь зубами скрипнул, вспоминая дедовы речи, тихие да тягучие. Конечно, ему-то куда спешить? Его поганый Фролка с дружками не дразнит ежедневно, не щепляется к заплаткам на коленях и локтях, не тычет пальцем в кривые да косенькие лапоточки! Неужто непонятно, что был бы батька в живых, сплёл бы какие получше? А так что у самого получилось...

И вот на тебе, пошёл за новым лыком в лес и столкнулся с давними недругами прямо на опушке! Драпал так, что ажно сердце чуть из груди не выскочило, задыхался от быстрого бега, хватаясь за бок, в который словно вилы воткнули. А злые насмешки летели ему в спину комьями грязи, только били больно не по плечам и спине, а по самолюбию.

«Ничего я не добрый, — думал он, кусая губы, чтобы не расплакаться. И так мчался через лес, не разбирая дороги, — слёзы застилали глаза. Потому и заплутал. — Не желаю я доброхотом быть. Злодеям легче живётся, они ни о чём не переживают...»

Всё, решительно всё пошло с утра наперекосяк. Лапотьки порвал, и седмицы пронести не удалось. Матушка рассердилась с утра, что чашку расколотил, ещё и пирог, из печи доставая, едва на пол не вывернул. В сердцах и велела убираться к лешему.

Он и убрался — к деду Анисию, через дыру в заборе между дворами. Добрый сосед накормил его хлебом и простоквашей и отправил в лес за лыком. Принесёшь, мол, самого лучшего, я уж сам тебе новые лапти сплету. А на матушку велел не сердиться, объяснил, что бранится она от большой усталости. И надобно ей чаще помогать, ибо он, Стоянко, после батькиной кончины у неё одна надежда и опора.

Вот и пошёл Стоян за лыком, а вышел непонятно где. Он озирался по сторонам и понимал, что никогда в этих местах не бывал. Сосны высоченные, голову запрокинешь — всё равно верхушек не видать. Ветви сомкнуты над головой, будто крыша огромного дома. Чуть пониже плотная можжевелевая стена — сколько ни вглядывайся, ни одного просвета не найдёшь. И коряги серые то тут, то там валяются в колосках мятлика.

— И впрямь леший водит, что ли? — пробормотал он и вздрогнул: голос прозвучал в здешней тишине тоненько и жалобно. Тут же поспешил выругаться — ему уж десятый год, почти взрослый мужик, а пищит, как плаксивая девчонка! — Не води! Не боюсь я тебя! Выпусти, а не то...

И на этих словах в лицо ему дохнуло смолой да ледяным ветром. Так мог бы дышать можжевельовый куст, будучи живым. Стоянку невольно задрожал, обхватил себя тощими ручонками, пытаясь спрятаться от холода, который так и лез под рубашку. По колючей плотной стене прошла рябь, затем ещё и ещё. Мальчишка невольно попятился.

А затем кусты с шелестом раздвинулись, роняя на землю пригоршни зелёно-рыжих иголок, и на тропу вышел он. Стоянку успел увидеть руки-сучья едва ли не до земли, поросшие мшистыми страшными бородами. Светлые, почти белые волосы, что рассыпались в беспорядке по плечам. Личину, вырезанную из древесной коры — точно такую же таскали на Святках деревенские парни, что прятались за колодезным срубом и пугали до истошного визга явившихся за водой баб. И глаза в ней моргали совершенно человеческие, потому Стоянку и всплеснул сердито руками.

— Ты чего вырядился? Ещё и ветки под рукава насовал! До зимы ещё прорва времени! Или тебя Фролка подослал? Ну? Чего молчишь? Отвечай! Кто ты?

Чужак и впрямь молчал, тихонько покачиваясь из стороны в сторону. Затем моргнул раз, другой — и на деревянной личине будто сам собой проступил безгубый рот, съёжился в скорбную гримасу. Лес вокруг заскрипел ветвями, зашелестел колосками мятлика, бросил оторопевшему Стоянку в лицо горсть сухих листьев.

— Хозяин... прис-с-с-слал за тобой, — зашипело в ушах. — Пш-ш-ш-шли...

Стоялко силился что-то сказать и не мог. Тело сковало стылым ужасом от пяток до гортани. Он понял наконец, что деревянная личина была настоящим лицом. Заперхал, пытаясь откашляться, рванулся с места что есть силы, пытаясь одолеть навалившуюся дурноту...

Лес перед глазами дрогнул, накренился. Стоялко упал головой в мягкий зелёный ковёр, усыпанный сосновыми иголками. Увидел кусочек синего неба в вышине и запоздало удивился, отчего оно здесь такое высокое.

А затем мир заслонила деревянная харя с кривым безгубым ртом.

Глава 1

НОЧЬ НА ИВАНА-ТРАВНИКА

— Яринка! Яринка! — визгливый голос бабки Агафьи разносился по саду. — Куда запропастилась, окаянная?! Яринка вздрогнула и едва не скатилась с толстой ветки, ложившейся краем на высокий дощатый забор. Место, где живое дерево соприкасалось с мёртвым, щедро оплетали колючки. Вжалась спиной в шершавый ствол, стараясь даже не дышать.

Нет, пронесло. Бабка с кряхтением потелепалась к ульям, стоявшим за их двором на косогоре, под которым начинался широченный луг. Яринка выдохнула с облегчением. Хорошо, ветка пополам не треснула от её ерзаний во все стороны. Хотя, в ней и весу-то особого нет, с чего там трескаться? Жилы да титьки, как метко, хоть и обидно, заявил один из соседей.

Вот Варькины бы прыжки дерево не выдержало точно. Раздобрела сестрица к прошлой зиме, и неудивительно — к сватовству готовится, и жених даже нашёлся. Вперёд сестры замуж решила выходить. Но Яринка не обижалась. Ей-то что? Ни рожи, ни кожи, вдобавок характер скверный, язык острый, а кулак проворный, в переносе обидчиков бил справно ещё сызмальства. И получается, что присматривались женихи больше к приданому, чем к самой невесте. А коли так, зачем они нужны?

Лучше уж при стариках своих пожизненно остаться, приглядывать за обоими, а там видно будет. От Яринки в семье сплошная польза: работы тяжёлой не чурается, пчёл с пасеки не боится и в лекарственных травах, хоть немного, да понимает. У Варьки не получалось бабкину науку перенять, а Яринка на лету схватывала. За глаза её некоторые соседи ведьмой называли, но уж это было неправдой. Просто в дальних глухих деревушках, вот как их Листвянка, лекарей иных нет. Или травами да баней тело и дух врачуешь, или помирать придётся. К тому же дед тяжело болел уже много лет, как без снадобий?

Вот и обучились обе потихонечку, нужда заставила, а добрые люди знаниями помогли. Не всегда получалось, конечно. Помнится, зим семь назад дед Еремей пробовал её зельем от ломоты в костях полечиться, так в нужнике двое суток сидел. С малыми перерывами. Ох, и отлупила ж её тогда старая Агафья! А главное — за что? Ломота у деда сразу ведь прошла. Побегай-ка во двор до ветру и назад, в тёплую избу!..

— Яринка, бабка тебя ищет! — раздался у смородиновых кустов голос младшей сестрицы. — Злющая она сегодня. Сватов ко мне со дня на день ждёт, а дома не метено, не убрано, половики не выбиты, стенки не подмазаны, печь не белена с осени...

— Ну так сама бы подмела да убрала, — огрызнулась Яринка. — Я вам нанималась, что ли, с утра до вечера грязь на веник наматывать? И так до петухов сегодня встала, притирки вам с подружками для красоты готовила.

Послышались шорох и ойканье — Варька полезла через заросли, и ягодные пятна расцветали на рукавах её рубахи. Встала рядом — щекастая, курносая, румяная,

как маков цвет. Светлые кудри из-под платка выбиваются. До чего ж хорошенькая! Яринка ей даже не завидовала — толку-то? Ей и вполовину такой красивой не стать никогда, хоть заполоскайся в тех зельях да притирках. И волос в потёмках да при свечах в избе вроде каштановый, а на свету тёмно-рыжий, чем больше за ним ухаживаешь, тем ярче сияет. И конопушки по телу рассыпались, пуще всего — по носу и плечам. И глазищи непонятного цвета — как папоров лист, иссохший от жары.

То ли дело сестрица. Жених её говорил, мол, в Торуге куколки в богатых лавках продаются из фарфора заморского, страсть как на Варю похожи: голубоглазые, крутобёдрые и волосы будто золото! И стоили те куколки не меньше стельной коровы. Да и вообще цены в столице на всё непомерно задраны: порт рядом, иноземцев прорва, вот и купцы всякий стыд потеряли. Потому и привёз Ванька невесте из гостинцев алый платок с кистями да резное коромысло. Варька и обиделась — не по нраву его дары пришлись.

По правде говоря, дары-то, может, и ничего, да сам Ванька выглядел неказисто — тоже щекастый, лицом нежный, нравом кроткий, тьфу, срамота одна. Это девке округлой да тихой быть хорошо. А мужику зачем? Ещё и грамоту почти не разумел, только закорючки на бересте ставить мог: кому, куда и за сколько продан тот или иной мешок муки. Он же сын лавочника, ему иных знаний и не надо, прибыль считать да в оборот пускать — и хватит.

А Варьку с Яринкой заезжий княжеский кметь четыре года назад и считать, и читать обучил в благодарность за спасённую жизнь. Дело было так: ехал он по первым заморозкам из Торуги в дальнее Зауголье с дарами к святым отцам. Золотишко вёз да книги — тяжелющие, богато

украшенные, переплёт из тончайшей кожи. Да тронулся в путь с пятью конниками всего. На них скопом в лесной чаще и навалились разбойники, охрану в капусту порубали, а дядьку Бориса ранили сильно. Он от боли сомлел, а негодяи решили, что помер. Золотишко пригребли себе, книги бросили. Одна только и уцелела, остальные снегом побило, страницы попортило.

Обнаружили его поутру девки, что по дикую рябину в лес пошли. Ох и крик поднялся! Хорошо, Яринке в тот день тоже дома не сиделось, решила с ними проветриться. Живо велела дурным визгуньям сухую да побитую морозом траву рвать, которая пожёстче. Сама же в то время ножичком ивовых ветвей настругала. Да, ножик у неё всегда был с собой, а как иначе? Не всякая трава корни да побеги без боя отдаёт, иногда и срезать приходится. И не голыми руками, а через рукавицу.

Дотащили раненого до деревни на волокуше из веток, связанных стеблями, а там и мужики деревенские помогли. Поселили кметя у бабки Агафьи да деда Еремея — у них снадобий навалом, раны перевязывать научены. Однако чаще за ним ухаживала Яринка. У Агафьи и без него забот было по горло, а с Варьки в лекарских делах проку никакого, она кровяицу едва завидит — в обморок падает.

Поначалу робела — мужик чужой, огромный да жилистый, весь седой да в шрамах с палец толщиной, будто крапивой его с утра до ночи стегали. Мало ли, чего от девицы захочет? Ему поди откажи, здоровенному-то... Напрасно боялась. Воин княжий её не обижал, молча терпел промывания едкими настоями, только шипел сквозь зубы. Протянул как-то мозолистую лапицу, погладил Яринку по голове. Та аж обмерла, а дядька улыбнулся ласково и сказал хриплым басом:

Тайна проклятого дара

— На дочку ты мою похожа, ягодка. Такая же проворная да бойкая.

Так и звал её с тех пор — дочкой да ягодкой. Иногда забывался и называл Настасьей, но Яринка понимала, что к чему. И Настасье той отчаянно завидовала. Своих-то родителей она плохо помнила, а Варька и вовсе не знала. Померли от лихорадки Свят да Маланья, почитай, зим шестнадцать назад, как раз в ту пору, когда младшая дочь родилась. Именно тогда дед от горя хворать начал, будто проклял его кто. Бабка всю тяжёлую работу по дому выполняла, а следом и Яринка подтянулась, как чуть подросла. Жили не шибко богато, но и не голодали. Куры на насестах задорно квохтали да справно неслись. Две коровёнки в хлеву дружно мычали и так же дружно доились. А вот лошади не было — кому с ней управляться, в поле пахать да объезжать регулярно? Потому и муку с зерном у соседей выменивали на сметану с творогом, мёд да целебные настои.

Куском хлеба старая Агафья сирот ни разу не попрекала. А вот ленью да безалаберностью — бывало частенько.

А дядька Борис ни разу плохого слова не сказал, пока жил с ними ту зиму. Причём ведь аккурат к празднику Богоявления дружинники за ним приезжали из Торуги — оказывается, не простого воина девки спасли, а сотника, которому прочили должность воеводы. Вдобавок родственника самого князя! Неблизкого, правда. Про такое родство люди говорили: «Твоя бабушка его дедушку из дальнего села за уд срамной вела». Но всё ж таки своя кровь, пусть и крепко разбавленная.

Однако сотник ехать домой наотрез отказался — куда едва живому, застудиться по дороге и помереть уже окончательно? Потому и остался. Хотя его и староста Антип

к себе зазывал, мол, у меня места больше, перины да подушки мягче.

Нет, тот ни в какую. Только и сказал, как отрубил:

— Не пристало воину пузо на перине растить. Мне и тут хорошо.

А сам, едва очухавшись, взялся за посильную работу — стыдно сиднем сидеть, когда три бабы вокруг целыми днями выплясывают: то поесть, то попить, то до нужника довести. Все лавки с сундуками в доме починил. Ложек да плошек настругал целую кучу — красивых, резных, не у каждой купчихи такие есть! Варька с Яринкой ахали восторженно, а сотник только посмеивался. И объяснял, что у воина руки не под одну саблю растут, и должен он уметь не только разрушать, но и созидать. И много чего ещё интересного и непонятного говорил.

А потом взялся девок обеих грамоте обучать, по той уцелевшей книге. Истории в ней были занятные: про витязей, которые нечистое войско побеждали силой духа, про храбрецов, что действовали не телесной могутой, а хитростью, и про красных дев, выходявших замуж по любви за князей да царей. В крайнем случае за воина, который одним махом семерых побивахом, или за удальца, каких мир не видывал: мог и жар-птицу добыть, и яблоки молодильные, и много чего ещё.

Вот с тех пор Варьке и втемяшилось в башку, что муж ей нужен непременно городского сословия, чтобы грамоту разумел. И обязательно добрый да щедрый. А Ванька — сын лавочника, только деньги считать умеет. Читать ему без надобности. И деньгу на куколку из фарфору зажал, стервец. Потому Варька и обижалась и на Ивана-травника гулять с ним идти не хотела.

